

УДК 1(091)

DOI: 10.25730/VSU.7606.22.016

Этапы формирования философских взглядов П. И. Новгородцева

Е. А. Счастливецва¹, М. А. Бархоленко²

¹доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-2832-7748. E-mail: abcr@yandex.ru

²аспирант кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: barmahal@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются этапы формирования взглядов П. И. Новгородцева, их генезис и делается попытка представить эти взгляды в качестве целостного мировоззрения. Этапы формирования философских взглядов позволяют раскрыть мировоззренческую эволюцию мыслителя, которая видится актуальной по ряду причин. Во-первых, мировоззрение философа представлено его идейным содержанием: философская доктрина естественного права, основу которой составляют нравственные принципы, а также идея справедливости, чести и достоинства личности; показаны пути формирования и развитие этих идей. Во-вторых, в целостной концепции П. И. Новгородцева соотносятся между собой идеи универсализма и частноправовые интересы отдельной личности в сочетании с правовыми гарантиями не только духовных, но и материальных благ, идеями построения социального законодательства, что является, несомненно, более прогрессивным по сравнению с либеральными идеями XIX в.

Сочетание универсальных и индивидуальных ценностей может быть весьма продуктивным методом в решении социально-правовых проблем. В настоящее время один только универсализм не может претендовать на «универсальность» и единственность своих ценностей. С другой стороны, современное общество нуждается в защите своих универсальных ценностей, таких как достоинство личности, соблюдение ее прав и свобод. В то же время с ростом индивидуализма возникает проблема дифференциации мотивов и целей человеческих поступков, нуждающаяся в своем моральном, политико-правовом и социокультурном обосновании. Исторически сложилось так, что в русском обществе всегда было настороженное отношение к общим, универсальным ценностям (т. н. нигилизм); с другой стороны, как считал С. Л. Франк, русскому нигилизму было свойственно глубокое сочувствие народу в его социально-культурных нуждах. Такое понимание порождало проблему становления социально-нравственных и культурных основ российского общества. И вот на этой волне задача божественного идеала, заменившая утопические идеи, как пишет Н. А. Шавеко, актуальна. Естественнo-правовая доктрина П. И. Новгородцева с меняющимся содержанием эволюционировала в сторону христианской социальной философии. В настоящее время эти идеи составляют антипод формальным либеральным и неолиберальным ценностям. Философ указывает на то, что право должно осуществлять материальную защиту населения. Переход к социальным идеям ученый совершает через констатацию проблемы и решение кризиса современного ему правосознания, что в целом составляет проблему движения его философии в сторону социально-правовых ценностей. С этой проблемой связан и выбор методологического подхода для ее решения – логического анализа сочинений Новгородцева и монографической литературы на проблемную тематику. Здесь также в некоторой степени применим и герменевтический метод, экспликация которого заключается в актуализации философско-правового учения П. И. Новгородцева для современности.

Ключевые слова: эволюция взглядов Новгородцева, универсализм, личность, частноправовой интерес, неокантианство, славянофильство, религиозные взгляды.

Процесс формирования философских взглядов П. И. Новгородцева можно разделить на два этапа. В основу этого разделения мы положили исторический принцип, а именно этапы постижения ученым тех или иных идей в порядке их развития во времени. Так, в качестве первого этапа мы выделяем период написания философом труда «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба» (магистерской диссертации 1897), а также докторской диссертации «Кант и Гегель в их учении о государстве и праве» (1902). Этот этап условно можно назвать «Влияние Канта и исторической школы права на формирование взглядов Новгородцева (складывание идеи нравственного совершенства и критерия нравственности и его оценки)». Второй этап – это период написания ученым фундаментальных работ «Кризис современного правосознания» (1909) и «Об общественном идеале» (1917), условно названный нами «Идеал как воплощение справедливого государства». Тем не менее все творчество Новгородцева можно разделить не на два, а на три больших этапа. Третий этап связан со сменой

мировоззренческих установок философа. Так, С. И. Бажов и И. Л. Кацапова (по их мнению, это второй, завершающий этап творчества ученого) выделяют два этапа в мировоззрении Новгородцева [15, с. 3]. В основу нашей классификации можно положить периоды формирования мировоззрения философа и работы, связанные с этими периодами. И тогда на третьем этапе можно выделить труды, в которых ученый разрабатывает христианскую социальную философию [15, с. 154]. В то же время первые два этапа связаны между собой неразрывными нитями, и, как мы увидим далее, стремление к объединению личности и общества у Новгородцева появляется еще на первом этапе, и эта идея развивается на втором этапе и своего апогея достигает на третьем, христианском этапе творчества. Взятая у Канта личность сочетается с гегелевской идеей общественного развития и общественной моралью. «Твердые основы общественной организации» Гегеля «ставятся выше личного сознания» Канта [см. 23, с. 222–223].

На первом этапе Новгородцев исследует немецкую философскую литературу, оказавшую на его мировоззрение колоссальное влияние, и пишет две диссертации. В этой статье мы не будем подробно касаться докторской диссертации – этому можно посвятить отдельную статью, но выведем идеи исторической школы права немецких юристов, имевшей большое значение для формирования естественно-правовой доктрины П. И. Новгородцева («с изменяющимся содержанием») [1, с. 5]. В XVIII в. естественно-правовая доктрина французского и английского просвещения претерпевает кризис, но Новгородцев полностью не отбрасывает это учение, проигнорированное немецкой школой юристов; более того, Новгородцеву удалось совместить положительные стороны этой школы с естественно-правовой доктриной. Но, чтобы показать, что ученый не был эклектиком, нам нужно проанализировать, что было взято им у немецких юристов и развито в его доктрине и какой аспект естественного права он озвучивает, меняя его содержание на современные ему правовые воззрения (социальные мотивы в праве). И это условно первый этап в его творчестве.

У немецких юристов Новгородцев усматривает положения, касающиеся интересов личности (Йеринг и Эд. Ганс), в частности, Йеринг обозначил границы полномочий государства в отношении граждан [21, с. 133]. В целом историческая школа права, во-первых, положительно оценивала идеи позитивного права, отождествляя его с общенародным правосознанием (Савиньи), и, во-вторых, народ, с точки зрения немецких юристов, является единственным источником права.

Обратимся ко второму этапу, который предreshен его работой, а точнее, двумя его работами: «Кризис современного правосознания» и «Об общественном идеале». Данные работы также имеют свои философские основания в первом, условно нами названном периоде творчества философа. Сам Новгородцев писал, что «Общественный идеал» стоит у него в тесной связи с «Кризисом современного правосознания». Оба произведения призваны отразить кризис политических и общественных идей, современный философу [см. 22, с. 17]. Этот кризис есть, несомненно, кризис политических и правовых начал [см. 22, с. 20].

Что же предлагает Новгородцев? Он выявляет основания кризиса правосознания, начиная с критики естественно-правовой доктрины Руссо и его идеи народного суверенитета. Но критика Новгородцева направлена не на саму идею Руссо (равенства и справедливости), а на то, как она «вошла в общество» и укоренилась в нем, как пишет Новгородцев, по сути, на практике, в реальной жизни. Эта доктрина претерпевает кризис, выражающийся в кризисе индивидуализма, провозгласившего возможность гармоничного сосуществования личности и государства [см. 24, с. 167]. Руссо полагал, что личность полностью передает свои права государству, а оно в ответ на это защищает личность. Однако никаких неотчуждаемых ее прав Руссо не признает, поскольку вся свобода оказывается в руках государства [24, с. 170]. Новгородцев, демонстрируя перед нами речи Бийо-Варенна и Робеспьера, показывает, чего добивались республиканцы: необходимости уничтожить старые предрассудки, эгоизм заменить моралью, честь честностью, обычаи – принципами, приличия – обязанностью, тиранию моды – господством разума и т. п. [24, с. 331]. Как мы видим, это претензии нарождающейся буржуазии, направленные против привилегий дворянства. Народные интересы здесь никоим образом не были представлены. В то же время республиканцы уповали на правовое государство, как Кант и далее Гегель [24, с. 332]. Не было всеобщего голосования, и существовал ценз избирательного права [24, с. 171]. Но это были буржуазные цензы, и промышленная революция выявила много социальных проблем, и социологи и правоведы начали говорить о солидарности (Леон Дюги).

Новгородцев, не придерживаясь взглядов Леона Дюги, идет дальше, признавая за юриспруденцией обязанность по сохранению достоинства личности, охрану ее права на достойное

существование. Он пишет, что «задача и сущность права состоит действительно в охране личной свободы, но для осуществления этой цели необходима и забота о материальных условиях свободы; без этого свобода некоторых могла остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически. Таким образом, именно во имя охраны свободы право и должно взять на себя заботу о материальных условиях ее осуществления; во имя достоинства личности оно должно взять на себя заботу об ограждении права на достойное существование» [25, с. 322–323].

Не соглашаясь с мнением Б. Чичерина, придерживавшегося взглядов Гегеля, полагавшего, что материальное обеспечение, достойное существование личности является делом морали и чистых побуждений души, Новгородцев считал все эти социальные проявления делом права. Гегель и старая школа юристов полагали, что «делом права» не может быть помощь нуждающимся; так же думал и Б. Чичерин, считавший, что эта помощь является благотворительной миссией и не входит в функцию юриспруденции и положительного права. Чичерин считал, что фабричное право было нарушением принципа справедливости [см. 29, с. 60]. По его мнению, требованию справедливости вполне может удовлетворять такое человеческое качество, как человеколюбие, и только лишь оно, и в силу своей человечности не нуждается в дополнительном правовом обеспечении для своего проявления. Новгородцев приводит слова Чичерина из работы «Собственность и государство»: «Если бы государство вздумало во имя этого начала изменять свое право, то есть вместо установления одинаковой свободы для всех обирать богатых в пользу бедных, как этого требуют социалисты, то это было бы не только нарушением справедливости, но вместе с тем извращением коренных законов человеческого общежития».

Далее Новгородцев пишет о том, что этот взгляд покоится на коренной ошибке: ставя целью права охрану свободы и отделяя от этого потребность в восполнении средств, эта теория забывает, что пользование свободой может быть совершенно парализовано недостатком средств [см. 25, с. 322].

В свое время, пишет П. И. Новгородцев, такой взгляд был авторитетным. Но это теория забывает, продолжает философ, что пользование свободой как формальным условием может быть совершенно парализовано недостатком средств нуждающихся. И он подчеркивает, что необходима забота о материальных условиях свободы; «без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за людьми юридически, но отнятым фактически» [25, с. 323].

По сути, речь идет об установлении в обществе рабочего законодательства, и 15–18 часов работы в день есть, с точки зрения Новгородцева, «бессовестная эксплуатация», а «темные и сырые подвалы противоречат всяким нормам допустимого и возможного». Поэтому право должно взять на себя обязательство заботы о личности и «определения известных условных норм», и тогда оно признает сам принцип охраны личности в каждом человеке. «Высказать в самом законе принцип поддержки всех слабых и беззащитных – это значит возвысить в них чувство собственного достоинства, укрепить сознание, что за них стоит сам закон» [см. 25, с. 324], хотя провозглашение общего принципа недостаточно, нужно, чтобы из него вытекали конкретные юридические следствия.

Павел Иванович Новгородцев – теоретик и философ права, философские взгляды которого, тем не менее, претерпели ряд изменений, поэтому здесь, вероятнее всего, можно говорить об эволюции мировоззренческих взглядов этого философа. Существует довольно много работ отечественных правоведов и философов, а также материалов «круглого стола» [см. 4–9, 10, 16–17, 27–32], в которых так или иначе представлен генезис его творчества, но нам хотелось бы целостно охватить картину его философско-мировоззренческих убеждений [см. 15]. В данной статье мы ставим цель проследить его мировоззренческую эволюцию и пути, приведшие к ней. Мы опираемся на многочисленные исследования отечественных философов права, главным образом на монографию [см. 15] и работы других ученых, статьи которых представлены нами в списке литературы, используем общетеоретическую методологию, из специальных методов берем на вооружение историко-философский подход как системный метод анализа философско-правовых проблем и источников в историческом контексте [см. 21–25]. Определение проблемы генезиса мировоззренческих взглядов Новгородцева позволит, на наш взгляд, лучше понять значение и актуальность его философской позиции в отношении права, морали и государства в целом.

Как представитель Баденской школы неокантианцев, П. И. Новгородцев нашел точки соприкосновения и с религиозными философами. Эти и другие вопросы становятся сегодня

остросовременными. Одной из актуальнейших тем на сегодняшний день является проблема социальной роли права, которая, по мнению философа, представляет собой «норму и принцип личности» [см. 16, с. 1728]. Сочетание общесоциальных (универсальных) и личностных начал привлекает сегодня правоведов и философов в сфере аксиологии права и морали.

Кроме того, идеи П. И. Новгородцева актуальны и с точки зрения преемственности его учения, особенно, если речь идет о ценностях [см. 17, с. 118]. Тем не менее в период господства позитивизма на рубеже XIX–XX вв. критика правовой оценки потеряла свою значимость как излишняя и даже вредная, в результате исчез «нравственный критерий для оценки положительного права» [там же]. Это и способствовало «кризису правосознания», о котором предупреждал Новгородцев. Он и показал эту неразрывную связь правосознания с нравственной оценкой права как явления сугубо частного, личностного [см. 17, с. 119]. С этой позиции немалый интерес представляет соотношение права и нравственности, необходимую связь которых утверждает Новгородцев. Здесь кантианская точка зрения философа сочетается со взглядами Гегеля на право как на деятельность, и Новгородцев усматривает причины нравственности в том числе и в самой природе человеческой деятельности [см. 17, с. 119]. Впервые в философии право на достойное существование человека было высказано Вл. Соловьевым, при этом свобода им понималась как формальное право, которое должно быть дополнено правом на достойное существование: должны быть материальные условия для существования человека. Этот принцип оказал существенное влияние на идеи «социального либерализма» [см. 15, с. 15]. Идеи Соловьева предопределили теорию «возрожденного естественного права», развиваемую в работах Новгородцева, Е. Н. Трубецкого, Вышеславцева, Ильина, Н. Н. Алексеева, Яценко в духе христианства [см. 15, с. 43]. Понятие справедливости Новгородцев понимает не в абстрактном смысле, а в смысле сопричастности права к нравственному миру через это понятие [см. 15, с. 47], в частности, идея справедливости (идея Йеринга) была воспринята им еще через немецких юристов [см. 21, с. 133].

Как отмечает Н. А. Шавеко, П. И. Новгородцев настаивает на необходимости рассматривать право и мораль в том числе и как интроспекцию, внутреннее, душевное переживание, однако, кроме того, и как образец или нравственный принцип. В этом можно усмотреть и корень взглядов Новгородцева в оценках естественного права, которое для философа остается актуальным принципом права (Новгородцев разрабатывает свою концепцию естественного права «с изменяющимся содержанием», несмотря на некоторые перемены в его мировоззренческих установках) [см. 1, с. 5]. На базе естественно-правовой доктрины он устанавливает связь между правом и нравственностью [см. 15, с. 44]. И в этом отношении полезным оказался синтез общественной и субъективной личностной этики [см. 15, с. 45].

Новгородцев приходит к выводу, что ни личность, ни общество не могут быть самодовлеющими началами [22, с. 166]. Он находит другой путь: он соединяет эти два начала между собой (личность и общество) «объективным законом добра». Он является также приверженцем абсолютной идеи Гегеля в соединении с нравственным идеалом Канта. Отсюда идут корни неокантианства Новгородцева. Они «указывают на необходимость взаимодействия лиц в их совместном нравственном творчестве» [22, с. 166]. Это гегельянство, а вместе с тем и неокантианство, которое стремилось преодолеть Гегеля, вернувшись «назад к Канту», к его нравственному закону. Ученый является сторонником нравственного идеализма [см. 29, с. 68]. Все эти искания нашли отражение в его труде «Об общественном идеале».

Был ли Павел Иванович Новгородцев поборником идеи совершенства и абсолютного добра? «В отличие от всех временных исторических форм общественной жизни личность, как отражение абсолютного духа, сама есть источник всего этого разнообразия конкретных временных форм. Личность – это бесконечность возможностей, это – безграничность перспектив, и в этом смысле, как мы определили выше, это есть образ и путь осуществления абсолютного идеала» [22, с. 120]; «не отдых и успокоение, а неустанный труд – такова перспектива нравственного прогресса» [22, с. 121]. И далее он пишет, что «мысль о возможности конкретного определения гармонического совершенства есть не более как утопия» [22, с. 121–122].

Новгородцеву не были близки идеи марксизма, Платона и Фихте. Философ приводит пример Фихте, чей план переустройства общества, как думал Новгородцев, был только «милолетным увлечением этой вечно кипевшей мысли» [22, с. 127].

Фихте полагал, что нужно устранить опасность, угрожающую равновесию всех общественных элементов. На замену этой опасности он предлагает организовать надзор полицейских органов за гражданской жизнью населения, чтобы оно всякий раз имело при себе пас-

порт, свидетельствующий о его личности; «все должны ходить по струнке» [см. 22, с. 128], тем самым можно «предотвратить не предусмотренное проявление свободы» [см. 22, с. 127]. Эти мысли весьма современны с точки зрения проектов будущего (Замятина, Хаксли, Оруэлл).

Содержание общественного идеала П. И. Новгородцев определяет в зависимости от принципа личности [см. 22, с. 139]. Общественный прогресс он связывает с развитием личности, ее задач, которые ставят перед собой личности. Но такая зависимость ставит перед философом настоящую проблему. Он пишет, что человек в таком случае может обойти нравственную проблему, поставив перед собой задачу, пусть более высокую, но личного совершенствования с позиции абсолютного индивидуализма. В другом случае, с позиции абсолютного коллективизма, личность вся растворяется в общественной стихии. В этом смысле Новгородцева не устраивают ни взгляды Фейербаха, ни Маркса, ни Канта [22, с. 149] своей односторонностью подхода к личности. Однако учение Ницше Новгородцев признает «самым интересным построением абсолютного индивидуализма» [22, с. 152]. «Нельзя не сказать, – говорит философ, – что это был самый последовательный индивидуализм, а вместе с тем и самый последовательный атеизм, какой только можно себе представить; тут не только отрицается смысл жизни, но и отвергается и самая необходимость для человека того, чтобы в мире был смысл» [22, с. 154].

Ницше был весьма далек от мыслей о религиозном сознании, да он просто отвергал его; напротив, Новгородцеву идея религиозного сознания была близка. Но у Ницше есть и другая сторона, подчеркивает философ: Ницше полагает личность индивидуальной, своеобразной, отсюда у него стремление к осуществлению индивидуализированного идеала человека, противопоставленному идеалу общественному. Философ говорит: «Надо понимать положительную сторону идеала сверхчеловека. Это – протест против всепоглощающей власти общества, против одностороннего определения личности через общественность» [22, с. 161]. Да и сам Заратустра убежден, что индивидуализм подрывает себя [22, с. 163]. Однако у Ницше личность настолько представляется «самобытной и самодовлеющей», что отпадает сама мысль о «нравственных задачах общественного прогресса» [22, с. 164].

Новгородцев выступает поборником научно-философского идеализма, что вполне согласовывается с его неокантианской направленностью баденского толка [см. 15, с. 82]. Как писал Риккерт в работе «Границы естественного образования понятий, логическое введение в историю науки», «наукоучение должно разрешать именно вопросы, касающиеся их объективной ценности для познания, исследуя эти понятия как средства познания в отношении их обязательности» [цит. по: 29, с. 69].

Антиномичные понятия ценностей ставят проблему границ между ценностью и не ценностью. Разрешить этот вопрос, по мнению Риккерта, возможно, лишь выработав нормы научной, нравственной жизни, областью для такой работы может быть только философия [29, с. 69]. В своем учении, пишет Е. А. Фролова, Новгородцев «стремился связать категорию долженствования с условиями социального бытия». Она предельно кратко и точно формулирует основной вывод учения П. И. Новгородцева о нравственном идеале: «Высшие принципы нравственности, с его точки зрения, могут быть поняты не только как... формальные и абсолютные требования... Хотя они никогда не могут быть полностью осуществлены в реальном мире, эти требования морали представляют путеводный идеал, к которому все должны стремиться в бесконечном прогрессе» [там же].

Нам важно понять именно философскую подоплеку его учения, и именно по отношению к Канту как стороннику нормативного учения и неокантианству в духе Виндельбанда и Риккерта и как приверженцу идеи объективных ценностей, их всеобщего долженствования на границе с личностными ориентирами субъекта. Здесь нам нужно остановиться подробнее, чтобы различить сущность долженствования, как она понимается философом, исходя из кантовско-риккертских предпосылок сознания. Как пишет Е. А. Фролова, нравственность, по Новгородцеву, это внутренняя самозаконность [29, с. 70].

Безусловно, мы видим связь идей философа с идеями неокантианцев в целом, а также и с социологическими концепциями того времени [см. 28, с. 57]. Стоит сказать и о непризнании Новгородцевым научности в причинно-следственном рассмотрении истории. В этом смысле философ был истинным неокантианцем, видевшим невозможность постижения истории по типу естественных наук. И здесь его доктрина согласуется с номотетическим и идиографическим делением наук (Виндельбанд). Личность для него всегда оставалась целью и субъектом истории; необходимость природы (по Канту) сочеталась со свободой и волей человека. Уходя

в область правового и нравственного сознания личности, П. И. Новгородцев говорит, что моральный закон это – вечный закон жизни, который должен осуществиться, как указывает Е. А. Фролова [29, с. 73], и это уже Гегель.

Для философа Новгородцева существует право как система категорий, как субъективное и объективное право, которое при взаимодействии всех его элементов становится механизмом общественной регуляции, а само право (объективное право) – «вышестоящим, надклассовым» [см. 29, с. 74]. Здесь уместно сравнить его концепцию естественного права с идеями С. Л. Франка, с его учением о метафизическом единстве, и еще ближе – с идеями социального идеала.

Франк, как и Новгородцев, не принимает концепции «земного рая», полагая, что попытка социальных реформаторов устранить зло часто приводит к появлению еще большего зла (якобинская диктатура и т. д.). Идеалом Франка является «конкретное Всеединство» [20, с. 47]. Как и Новгородцев, Франк выделяет субъективное право; таким субъективным правом у него выступает «обязанность служения добру». Как религиозный философ, он понимает служение как высшее нормативное начало общественной жизни. В частности, еще Штаммлер предлагает концепцию социального идеала как учения о должном [31, с. 3], и Новгородцев также стремился дополнить этику Канта социальной этикой. В споре между субъективной и социальной нравственностью он брал сторону последней. Социальную этику философ связывал с пониманием права. Когда человек проникается правом и сознание становится правовым, то требования правового сознания становятся моральными предпосылками [см. 28, с. 57]. Здесь Новгородцев продолжает идеи Соловьева о взаимодействии права и морали и даже углубляет их, поэтому право не просто «минимум морали», а есть «принудительный минимум социальных требований» [см. 28, с. 57]. Из философии Канта вытекало право на достойное существование человека (полно раскрытое Новгородцевым в работе о Канте и Гегеле), что было главным отличием неокантианцев от либеральных политико-правовых доктрин XIX в. [28, с. 58]. Идея, которую развивал философ, исходящая от соловьевской идеи духовного совершенствования, заключалась и выразилась в «переходе нравственного сознания в правовое» [там же]. При этом исключаются те условия жизни, которые несовместимы с возможностью достойного существования личности. Право должно быть восполнено человеколюбием, например, благотворительность, которая должна быть направлена на нуждающихся индивидов. Тут упор делается на материальную основу общества, а также на духовную личность, свободную в своих индивидуализированных нравственных устремлениях [28, с. 59]. Таким образом, П. И. Новгородцев разработал концепцию «социального государства» и дополнил тем самым идеи кантианства. Им наиболее последовательно в русской философии было изложено развитие естественного права.

В ряде своих работ он писал, что стремится преодолеть кризис правосознания, в котором оказалась философия на рубеже XIX–XX вв. В это время появляются теории обновленного естественного права, среди которых оказались и труды П. И. Новгородцева. Глубинной причиной, по которой Павел Иванович обращается к идее естественного права, был непреодолимый «отрыв права от его нравственных основ» [см. 8, с. 163]. Истоки соловьевской доктрины права («Оправдание добра») перекликались с правовыми идеями Гегеля, а истоки идей Соловьева в области права лежали в этической философии; тем не менее, помимо естественных истоков права – свободы и равенства правовых субъектов – в самом праве должен быть и нравственный исток, который Соловьев определял как «минимум нравственности». Однако нравственные позиции идей Новгородцева были настолько крепки в его философии, что перестали довольствоваться этим минимумом. Он стремится сочетать право и мораль в идее социального совершенства: и мораль, и право должны соответствовать нравственному идеалу общества на определенном этапе исторического развития. «Встреча формально-юридических и нравственных начал, – пишет П. С. Жданов, – происходит в понятии естественного права, которое в понимании П. И. Новгородцева имеет этический характер.

Естественное право представляет собой систему нравственных требований к праву, содержащую в себе элемент оценки действующих правовых норм и предполагающую необходимость его совершенствования, приближения к идеалу» [8, с. 163].

По словам Н. Ф. Бучило, оценки есть понимание значимости правового события с точки зрения его блага, достоверности. В этом, однако, кроется основание субъективности оценки, потому что она является «пониманием смысла этой связи, интеллектуальным и эмоциональным осознанием и переживанием ее значимости» [3, с. 292]. В этом и кроется опасность или

необъективность оценки, все зависит от субъекта оценивания. Новгородцев, понимая возможную несправедливость, ошибочность оценок, их классовый характер, говорит о том, что правовой идеал в условиях материального мира недостижим, однако сам критический дух естественно-правовой доктрины должен явиться ее содержанием, сущностью, которая собой представляет «независимый и самостоятельный суд над положительным правом. Это призыв к усовершенствованию и реформе во имя нравственных целей» [8, с. 163]. Для этого Новгородцев обращается к нравственным принципам философии Канта, которые только одни и составляют ориентиры следования нравственному идеалу и критерий для оценочных суждений справедливости и несправедливости. По Новгородцеву, прежде всего должно соблюдаться достоинство личности, которое в сложных материальных условиях должно дополняться социальными требованиями к праву: материальная поддержка нуждающихся, благотворительность по отношению к бедным слоям населения.

Тем не менее на ученого очень сильное влияние оказали события семнадцатого года и установление советской власти. Позднее он стал писать об антагонистических интересах личности и государства [см. 11, с. 12]. От идеи автономной морали он переходит к теонормной морали, и в этом состоит мировоззренческая эволюция русского мыслителя [см. 15, с. 140]. Вектор этой эволюции протягивается от нравственного идеализма в сторону религиозной философии [там же]. Новгородцев сумел прийти к «идейному синтезу», сочетавшему в себе социальные идеи и христианство. Современные исследователи рассматривают этот синтез как «крупное и оригинальное идеальное достижение» философа [15, с. 143].

В работе «Об общественном идеале» он писал о том, что общественный идеал недостижим, потому что существует бесконечность, бесконечное проявление различных путей. Так, например, возьмем Герцена, его «жизнерадостный эпикуреизм»: «Связать свои взгляды с более глубоким мирозерцанием ему не удалось. Но, во всяком случае, отвергнув иллюзии социального оптимизма, он значительно опередил свое время, которое как раз начинало выдвигать на место политических утопий социальные, облекая и их ореолом единоспасующих истин» [22, с. 39].

У Новгородцева социальная идея становится религиозно-эсхатологической идеей («металогическое единство»). Нужно, чтобы этот идеал был действительной практической силой, и эта сила доступна лишь верующему сознанию [см. 22, с. 59–60]. Не случайно Новгородцев не принимает теорию солидарности Леона Дюги, которую, впрочем, не принимало и неокантианство, которое стремилось «возвысить социально-правовой идеал над современными проблемами». Дюги отстаивал теорию солидарности, а неокантианцы – гегельянство. Отстаивая интересы естественного права, ученый, тем не менее, видел в нем, как и неокантианцы, сверхценностное начало (в этом его философия близка Франку и Лосскому) и объяснял его истоки кантовской философией. Это были в прежнем еще идеи Гегеля и Шеллинга [22, с. 55], а теперь это были идеи органического единства мира. Всецело осуществление идеала, согласно Новгородцеву, возможно лишь как «металогическое единство» (по Франку) [см. 22, с. 59]. Сила достижения этого идеала доступна лишь религиозному сознанию [22, с. 60].

А центром притяжения общественного идеала должна стать личность [22, с. 67]. Личность – это не надвременное единство, но в то же время абсолютный индивидуализм опустошает личность. Самое главное в личности – это ее связь с обществом: у них общие основания – «живой человеческий дух, который дает жизнь и соединение людей в союзы» [22, с. 105]. И это обстоятельство дает личности возможность ее индивидуального развития. Личность, по Новгородцеву, тяготеет к безусловному и надындивидуальному началу, и в этом видится его идейное родство с С. Л. Франком. Мечтая связать личность и общество, П. И. Новгородцев указывал на основание этой необходимой связи, а именно на закон нравственности Канта, что явилось научной проблемой для правоведа-философа, которую он решал на практике на протяжении всей жизни, и автономный закон личной воли сам собою переходит в нравственную норму общения, а эта «последняя становится основой личной жизни, – тем узлом, в котором сходятся индивидуальные различия» [22, с. 108].

Тут мы видим гегелевское сочетание противоположностей. Новгородцев использует принцип методологии Соловьева: «Многих нравственных норм в собственном смысле этого слова быть не может, как не может быть многих верховных благ или многих нравственностей» [см. 22, с. 109]. Человека не может существовать без свободы. «Это необходимое выражение его нравственного существа» [22, с. 110]. И здесь мы находим начало понимания нравственности самим Новгородцевым – это обязанность взаимного признания личностных качеств, внутренних стремлений индивидуальности к идеальной норме.

Они, эти стремления, с одной стороны, субъективны (как внутренние переживания), с другой – объективны как стремления к общему идеалу, норме. Этой нормой может стать личность, ее достоинство, ее признание как цели самой по себе. Такой «безусловный принцип личности», по Франку, «служение добру». В литературе высказано мнение о том, что Новгородцев после событий революции семнадцатого года уходит от принципа свободного универсализма. Однако этот принцип скрывает в себе не столько формальные начала права, но по большей части направлен в сторону раскрытия личности, которая не может существовать без свободы. Так, по мнению Франка, подлинным идеалом «может быть только конкретное всеединство, общее здоровье и творческое развитие общества как целого, обусловленное служением, солидарностью, свободой, и определяет их структуру, являющуюся “верховным началом”, образующим общественный строй. Из обязанности служения добру вытекает солидарность и свобода» [см. 20, с. 48–49]. П. И. Новгородцев никогда не стоял в стороне от духовной жизни; еще в 1901 г. он писал: «Абсолютный идеал осуществляется только во всей совокупности» факторов: «и церковь, и государство, и народное единство. Как ранее того семья, род, патриотический союз – все это конкретные формы, через которые совершается развитие абсолютного идеала» [22, с. 118].

Ощущение всеединства было присуще ему, как Франку и Лосскому. И тут мы можем говорить о философском мировоззрении Новгородцева. После революции философ обнаруживает в народе силу, способную противостоять разрушительным тенденциям революции. Эту силу он видит в «среде народного духа». Этой средой является религиозно-мистическая вера в народе. Достоевский говорит, что идеал народа – Иисус Христос. «Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы минуты он никогда в правде не ошибется», – говорит писатель [см. 22, с. 568]. В возрождении религиозного, духовного источника Новгородцев видит будущее России. В продолжение только и хочется цитировать философа: он говорит о том, что самое страшное – это опустошение человеческой души; «путь автономной морали привел к разрушению в человеческой душе вечных связей и вековых святынь», поэтому философ становится поборником религиозной морали и агиократии – власти святынь, то есть власти религиозных символов веры; нас спасет «благодейное» просветление человеческой души, а «не превращение государственного строительства в чисто внешнее устройство человеческой жизни, а возвышение его до степени Божьего дела» [22, с. 579]. И чтобы не потеряться, не сломиться, нужно нам самим начать думать по-новому, не механически уповая на выборы или другие формы демократии, а воспитать в себе новое ощущение жизни и новое сознание с новыми ценностями, опирающимися на христианское достоинство, писал философ в 1923 г., находясь в Праге [см. 22, с. 579–580].

В 1922 г. Новгородцев создает Пражское религиозно-философское общество в память о Соловьеве, а в 1923 г. при его активном содействии появляется братство «Святой Софии». Перед смертью Новгородцев пишет статью «Православие и культура», в которой, как отмечает В. В. Зеньковский, можно усмотреть его эволюцию «от защиты “естественного права” и метафизики к прямому исповеданию религиозных начал» [см. 12, с. 416].

В этот же период Новгородцевым была написана работа «Восстановление святынь» в виде речи, посвященной памяти В. Д. Набокова, и возможно, она была обращена к пражской молодежи в Религиозно-философском обществе имени В. С. Соловьева. В этой речи обозначено то, что в конце своего творческого и жизненного пути П. И. Новгородцев считал главным: Россия и нация как единое целое; свобода личности и правовой порядок; православная вера и русская культура [см. 32, с. 15].

В письменном обращении к Е. Н. Трубецкому О. С. Булгаков выразил свое отношение к Павлу Новгородцеву следующим образом: «...его кончина была христианским подвигом веры, надежды и любви. Он смотрел прямо в лицо смерти и принимал ее с верой и покорностью как переход в лучший мир» [2, с. 207].

В целом можно сказать, что эволюция взглядов П. И. Новгородцева привела его к концепции философско-правовых ценностей, многие из которых актуальны и по сей день, например, идеи социальной справедливости, сочетание универсализма и индивидуализма, христианской социальной философии.

Список литературы

1. Баскин Ю. Я. Павел Иванович Новгородцев // Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. СПб., 1999. С. 3–8.
2. Братство св. Софии : мат-лы и документы 1923–1939. М. : Париж, 2000. 279 с.

3. Бучило Н. Ф. История и философия науки. М., 2012.
4. Виндельбанд В. История Новой философии. Т. 2. От Канта до Ницше. М., 2007. 511 с.
5. Воробьев М. В. Проблема социального насилия в философии русских неокантианцев // Философия и культура. 2016. № 8 (104). С. 1099–1102.
6. Вострикова В. В. 1917 год как крушение российской государственности: революция глазами современников // История государства и права. 2017. № 19. С. 18–25.
7. Данильян О. Г., Байрачная Л. Д., Максимов С. И. и др. Философия права. М., 2004. 416 с.
8. Жданов П. С. Значение естественно-правовой доктрины для преодоления кризиса правосознания: опыт русской философии конца XIX – начала XX в. // Современное право. 2009. № 11. С. 161–164.
9. Жуков В. Н. Философия права П. И. Новгородцева как консервативно-религиозная утопия // Государство и право. 2012. № 2. С. 68–77.
10. Жуков В. Н. Кантианство и неокантианство в русской социологии права // Государство и право. 2015. № 9. С. 14–24.
11. Зайцев О. А., Баев В. Г. Интерес как философско-правовая категория в учениях русских правоведов в XIX – начале XX в. // История государства и права. 2012. № 22. С. 10–13.
12. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Т. 2. Ростов н/Д. : Феникс, 1999. 539 с.
13. Зотов А. Ф. Генрих Риккерт и неокантианское движение // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 3–12.
14. Ильин А. А. Универсальные методы реформирования государства: идеальный подход П. И. Новгородцева и И. А. Ильина // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 6. С. 291–295.
15. Кацапова И. Л., Бажов С. И. Философское мировоззрение П. И. Новгородцева. М., 2007. 183 с.
16. Кацапова И. А. Глобализация и национальные идеи: вектор пересечения (философско-правовой аспект) // Философия и культура. Серия: Философия права. 2015. № 11 (95). С. 1724–1733.
17. Кроткова Н. В. 150-летие со дня рождения П. И. Новгородцева (1866–1924) («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и кафедры теории государства и права МГЮУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА)) // Государство и право. 2016. № 9. С. 110–121.
18. Куликов В. И. «Дух времени»: Иван Ильин и Павел Новгородцев // Власть. 2015. № 9. С. 86–89.
19. Куницын А. С. Павел Иванович Новгородцев как «воодушевленный проповедник возрождения естественного права» и наш современник // Государство и право. 2018. № 6. С. 36–44.
20. Никитич Л. А. Проблема идеала в интеллектуальной традиции и пример идеала в реальной жизни // Культурология. РАН. 2011. № 1 (56). С. 44–57.
21. Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. СПб., 1999. 189 с.
22. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. 639 с.
23. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901. 245 с.
24. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. 269 с.
25. Новгородцев П. И. Сочинения. М., 1995. 448 с.
26. Основные положения теории ценностей Г. Риккерта. URL: https://bstudy.net/600990/filosofiya/osnovnye_pobozheniya_teorii_tsennostey_rikkerta.
27. Пархоменко Р. Н. Свобода и консерватизм в отечественной философской традиции // Философия и культура. 2016. № 7 (103). С. 988–999.
28. Фролова Е. А. Идеи социального и правового государства в философии права П. И. Новгородцева // Государство и право. 2018. № 7. С. 57–65.
29. Фролова Е. А. Методологические основы неокантианского учения П. И. Новгородцева // Государство и право. 2012. № 5. С. 68–78.
30. 150-летие со дня рождения П. И. Новгородцева (1866–1924) (по материалам «круглого стола») // Вестник Московского университета. Серия: Право. 2016. № 3. С. 113–116.
31. Шавеко Н. А. Концепция науки теоретической юриспруденции Рудольфа Штаммлера // История государства и права. 2017. № 23. С. 3–9. DOI: 10.18572/1812-3805-2017-23-3-9.
32. Ширманов И. А. Аксиологический анализ работы П. И. Новгородцева «Восстановление святынь» // История государства и права. 2011. № 23. С. 13–17.

Stages of formation of P. I. Novgorodtsev's philosophical views

E. A. Schastyvtseva¹, M. A. Barkholenko²

¹Doctor of Philosophical Sciences, professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vyatka State University, Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-2832-7748. E-mail: abcr@yandex.ru

²postgraduate student of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vyatka State University, Russia, Kirov. E-mail: barmaxal@mail.ru

Abstract. The article reveals the stages of the formation of P. I. Novgorodtsev's views, their genesis and attempts to present these views as a holistic worldview. The stages of the formation of philosophical views allow us to reveal the philosophical evolution of the thinker, which is seen as relevant for a number of reasons. Firstly, the philosopher's worldview is represented by its ideological content: the philosophical doctrine of natural law, which is based on moral principles, as well as the idea of justice, honor and dignity of the individual; the ways of formation and development of these ideas are shown. Secondly, in the integral concept of P. I. Novgorodtsev, the ideas of universalism and the private legal interests of an individual are consistent with each other, combined with legal guarantees of not only spiritual, but also material benefits, ideas of building social legislation, which is undoubtedly more progressive compared to the liberal ideas of the XIX century.

The combination of universal and individual values can be a very productive method in solving social and legal problems. At present, universalism alone cannot claim the "universality" and uniqueness of its values. On the other hand, modern society needs to protect its universal values, such as the dignity of the individual, respect for his rights and freedoms. At the same time, with the growth of individualism, the problem of differentiation of motives and goals of human actions arises, which needs its own moral, political, legal and socio-cultural justification. Russian society has historically always had a wary attitude towards common, universal values (so-called nihilism); on the other hand, as S. L. Frank believed, Russian nihilism was characterized by deep sympathy for the people in their socio-cultural needs. Such an understanding gave rise to the problem of the formation of the socio-moral and cultural foundations of Russian society. And on this wave, the task of the divine ideal, which replaced utopian ideas, as N. A. Shaveko writes, is relevant. The natural law doctrine of P. I. Novgorodtseva with changing content evolved towards Christian social philosophy. Currently, these ideas are the antithesis of formal liberal and neoliberal values. The philosopher points out that the right should provide material protection to the population. The scientist makes the transition to social ideas through the statement of the problem and the solution of the crisis of his contemporary legal consciousness, which in general constitutes the problem of the movement of his philosophy towards socio-legal values. Related to this problem is the choice of a methodological approach to solve it – a logical analysis of Novgorodtsev's writings and monographic literature on problematic topics. The hermeneutic method is also applicable here to some extent, the explication of which is to actualize the philosophical and legal teachings of P. I. Novgorodtsev for modernity.

Keywords: evolution of Novgorodtsev's views, universalism, personality, private legal interest, neo-Kantianism, Slavophilism, religious views.

References

1. Baskin Yu. Ya. *Pavel Ivanovich Novgorodtsev* [Pavel Ivanovich Novgorodtsev] // *Novgorodtsev P. I. Istoricheskaya shkola yuristov* [Historical school of lawyers]. SPb. 1999. Pp. 3–8.
2. *Bratstvo sv. Sofii : mat-ly i dokumenty 1923–1939* – Brotherhood of St. Sofia : materials and documents 1923–1939. M. Paris. 2000. 279 p.
3. *Buchilo N. F. Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. M. 2012.
4. *Vindel'band V. Istoriya Novoj filosofii. T. 2. Ot Kanta do Nicshe* [The History of New Philosophy. Vol. 2. From Kant to Nietzsche]. M. 2007. 511 p.
5. *Vorob'ev M. V. Problema social'nogo nasiliya v filosofii russkih neokantiancev* [The problem of social violence in the philosophy of Russian neo-Kantians] // *Filosofiya i kul'tura* – Philosophy and culture. 2016. No. 8 (104). Pp. 1099–1102.
6. *Vostrikova V. V. 1917 god kak krushenie rossijskoj gosudarstvennosti: revolyuciya glazami sovremennikov* [1917 as the collapse of Russian statehood: revolution through the eyes of contemporaries] // *Istoriya gosudarstva i prava* – History of state and law. 2017. No. 19. Pp. 18–25.
7. *Danilyan O. G., Bayrachnaya L. D., Maximov S. I. et al. Filosofiya prava* [Philosophy of law]. M. 2004. 416 p.
8. *Zhdanov P. S. Znachenie estestvenno-pravovoj doktriny dlya preodoleniya krizisa pravosoznaniya: opyt russkoj filosofii konca XIX – nachala XX v.* [The significance of natural law doctrine for overcoming the crisis of legal consciousness: the experience of Russian philosophy of the late XIX – early XX century] // *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2009. No. 11. Pp. 161–164.
9. *Zhukov V. N. Filosofiya prava P. I. Novgorodtseva kak konservativno-religioznaya utopiya* [P. I. Novgorodtsev's Philosophy of Law as a conservative-religious utopia] // *Gosudarstvo i pravo* – State and law. 2012. No. 2. Pp. 68–77.
10. *Zhukov V. N. Kantianstvo i neokantianstvo v russkoj sociologii prava* [Kantianism and neo-Kantianism in the Russian sociology of law] // *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2015. No. 9. Pp. 14–24.

11. Zajcev O. A., Baev V. G. *Interes kak filosofsko-pravovaya kategoriya v ucheniyah russkikh pravovedov v XIX – nachale XX v.* [Interest as a philosophical and legal category in the teachings of Russian jurists in the XIX – early XX century] // *Istoriya gosudarstva i prava* – History of the state and law. 2012. No. 22. Pp. 10–13.
12. *Zen'kovskij V. V. Istoriya russkoj filosofii : v 2 t. T. 2* [History of Russian Philosophy : in 2 vols. Vol. 2]. Rostov-on-Don. Phoenix. 1999. 539 p.
13. *Zotov A. F. Genrih Rikkert i neokantianskoe dvizhenie* [Heinrich Rickert and the neo-Kantian movement] // *Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Science of nature and science of culture]. M. 1998. Pp. 3–12.
14. *Il'in A. A. Universal'nye metody reformirovaniya gosudarstva: ideal'nyj podhod P. I. Novgorodtseva i I. A. Il'ina* [Universal methods of state reform: the ideal approach of P. I. Novgorodtsev and I. A. Ilyin] // *Social'no-gumanitarnye znaniya* – Socio-humanitarian knowledge. 2018. No. 6. Pp. 291–295.
15. *Kacapova I. L., Bazhov S. I. Filosofskoe mirovozzrenie P. I. Novgorodtseva* [Philosophical outlook of P. I. Novgorodtsev]. M. 2007. 183 p.
16. *Kacapova I. A. Globalizaciya i nacional'nye idei: vektor peresecheniya (filosofsko-pravovoj aspekt)* [Globalization and national ideas: vector of intersection (philosophical and legal aspect)] // *Filosofiya i kul'tura. Seriya: Filosofiya prava* – Philosophy and culture. Series: Philosophy of Law. 2015. No. 11 (95). Pp. 1724–1733.
17. *Krotkova N. V. 150-letie so dnya rozhdeniya P. I. Novgorodtseva (1866–1924) ("Kruglyj stol" kafedry teorii gosudarstva i prava i politologii yuridicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova i kafedry teorii gosudarstva i prava MGYuU im. O. E. Kutafina (MGYuA))* [150th anniversary of the birth of P. I. Novgorodtsev (1866–1924) ("Round table" of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University and the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State University)] // *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2016. No. 9. Pp. 110–121.
18. *Kulikov V. I. "Duh vremeni": Ivan Il'in i Pavel Novgorodtsev* ["The Spirit of time": Ivan Ilyin and Pavel Novgorodtsev] // *Vlast' – Power*. 2015. No. 9. Pp. 86–89.
19. *Kunicyn A. S. Pavel Ivanovich Novgorodtsev kak "voodushevlyennyj propovednik vozrozhdeniya estestvennogo prava" i nash sovremennik* [Pavel Ivanovich Novgorodtsev as "an inspired preacher of the revival of natural law" and our contemporary] // *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2018. No. 6. Pp. 36–44.
20. *Nikitich L. A. Problema ideala v intellektual'noj tradicii i primer ideala v real'noj zhizni* [The problem of the ideal in the intellectual tradition and the example of the ideal in real life] // *Kul'turologiya* – Culturology. RAS. 2011. No. 1 (56). Pp. 44–57.
21. *Novgorodtsev P. I. Istoricheskaya shkola yuristov* [Historical school of lawyers]. SPb. 1999. 189 p.
22. *Novgorodtsev P. I. Ob obshchestvennom ideale* [On the social ideal]. M. 1991. 639 p.
23. *Novgorodtsev P. I. Kant i Gegel' v ih ucheniyah o prave i gosudarstve. Dva tipicheskikh postroeniya v oblasti filosofii prava* [Kant and Hegel in their teachings on law and the state. Two typical constructions in the field of philosophy of law]. M. 1901. 245 p.
24. *Novgorodtsev P. I. Vvedenie v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya* [Introduction to the philosophy of law. The crisis of modern legal consciousness]. M. 1996. 269 p.
25. *Novgorodtsev P. I. Sochineniya* [Essays]. M. 1995. 448 p.
26. *Osnovnye polozheniya teorii cennostej G. Rikkerta* – The main provisions of G. Rickert's theory of values. Available at: https://bstudy.net/600990/filosofiya/osnovnye_polozheniya_teorii_tsennostey_rikkerta.
27. *Parhomenko R. N. Svoboda i konservatizm v otechestvennoj filosofskoj tradicii* [Freedom and conservatism in the Russian philosophical tradition] // *Filosofiya i kul'tura* – Philosophy and Culture. 2016. No. 7 (103). Pp. 988–999.
28. *Frolova E. A. Idei social'nogo i pravovogo gosudarstva v filosofii prava P. I. Novgorodtseva* [Ideas of a social and legal state in the philosophy of law P. I. Novgorodtsev] // *Gosudarstvo i pravo* – State and law. 2018. No. 7. Pp. 57–65.
29. *Frolova E. A. Metodologicheskie osnovy neokantianskogo ucheniya P. I. Novgorodtseva* [Methodological foundations of the neo-Kantian doctrine of P. I. Novgorodtsev] // *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2012. No. 5. Pp. 68–78.
30. *150-letie so dnya rozhdeniya P. I. Novgorodtseva (1866–1924) (po materialam "kruglogo stola")* – 150th anniversary of the birth of P. I. Novgorodtsev (1866–1924) (based on the materials of the "round table") // *Herald of Moscow University. Series: Law*. 2016. No. 3. Pp. 113–116.
31. *Shaveko N. A. Konceptsiya nauki teoreticheskoy yurisprudencii Rudol'fa Shtammlera* [The concept of the science of theoretical jurisprudence by Rudolf Stammler] // *Istoriya gosudarstva i prava* – History of State and law. 2017. No. 23. Pp. 3–9. DOI: 10.18572/1812-3805-2017-23-3-9.
32. *Shirmanov I. A. Aksiologicheskij analiz raboty P. I. Novgorodtseva "Vosstanovlenie svyatytn"* [Axiological analysis of P. I. Novgorodtsev's work "Restoration of shrines"] // *Istoriya gosudarstva i prava* – History of State and Law. 2011. No. 23. Pp. 13–17.